

84(2=411.2)

Б 892

В. В. БРУСЯНИНЪ

ВЪ БОРЬБѢ ЗА ТРУДЪ

ПОВѢСТЬ
ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ
НА УРАЛѢ

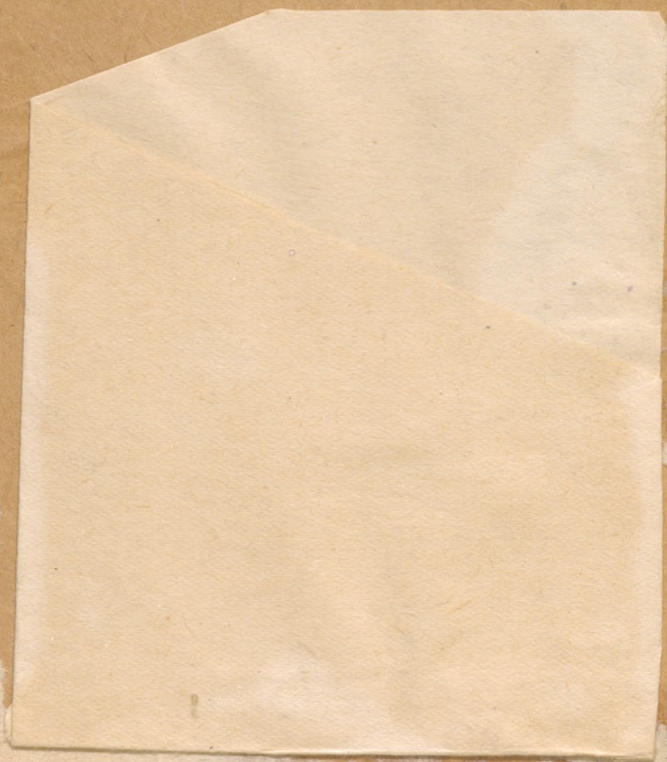
ПЕТРОГРАДЪ

Издание I. Р. Бѣлопольскаго

С 158481 - ко

918

(100) 100

12562

7!

1111

В. В. БРУСЯНИНЪ

ВЪ БОРЬБЪ ЗА ТРУДЪ

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЖИЗНИ
... РАБОЧИХЪ УРАЛА ...

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ

г. СВЕРДЛОВСК

ПЕТРОГРАДЪ

Издание I. Р. Бѣлопольскаго
1918

ТИПОГРАФІЯ
КООПЕРАТИВНАГО ТОВАРИЩЕСТВА
«НАЧАТКИ ЗНАНІЙ»
7-я Рождеств., 23-24.

I.

К—скій мѣдноплавильный заводъ заброшенъ въ глушь горной и лѣсной Башкиріи, на отрогахъ западнаго Урала.

Существуетъ заводъ около пятидесяти лѣтъ, и у него имѣется уже своя таинственная исторія.

Построенъ заводъ на захваченной у башкиръ землѣ. Только по рублю съ десятины да по четверти фунта «кирпичнаго» чаю заплатили скупщики земель «темнымъ» башкирамъ, а обитатели лѣсной деревушки Урслановой отъ этого не разбогатѣли. Тѣ же башкиры за дешевую плату корчевали свои родовые лѣса, дѣлали дороги, рыли пруды, рубили лѣсъ и помогали вятскимъ плотникамъ возводить заводскія постройки. А когда лѣса были вырублены и сдѣланы дороги, съ мостиками черезъ горные потоки, инженеры-строители вывезли изъ Россіи голодный людъ цѣлыми семействами, да и изъ сосѣднихъ русскихъ поселковъ собрали народъ, и начали рыть шахты. И скоро въ лѣсной глуши обосновались К—скіе мѣдные рудники. А года три спустя послѣ этого возвелись громадныя кирпичныя корпуса, вытяну-

лись въ небо высокія кирпичныя заводскія трубы и обосновался новый лѣсной мѣдноплавильный заводъ, съ длиннымъ поселкомъ избъ съ тесовыми кровлями.

Инженеры-заводчики позаботились и о душѣ своихъ рабовъ и землеробовъ и выстроили небольшую двухглавую церковку, и старичка священника вывезли изъ Россіи. Позаботились заводчики и о тѣлѣ рабовъ своихъ и устроили небольшую больницу съ двумя койками, а при больницѣ поселили доктора, и село К—ское стало называться заводомъ.

Старожилы-крестьяне ближайшихъ поселковъ, населенныхъ выходцами изъ Вятской губерніи, продолжали пахать землю и доставлять заводу хлѣбъ, а пришельцы-рабочіе углубились въ нѣдра земли и, какъ кроты, начали свою подземную жизнь. Бокъ-о-бокъ шли двѣ жизни людей, но заводъ покорилъ обѣ жизни и слилъ въ одно русло. Наступили неурожайные годы, и заводъ соблазнилъ вятскихъ мужиковъ своими «легкими» заработками. Мужики занялись лѣсными промыслами и доставкой лѣса и дровъ на заводскія нужды, а хлѣбъ и разные продукты стали доставлять купцы изъ сосѣднихъ уѣздовъ и изъ-за Урала.

Прошло не болѣе десяти лѣтъ, и добрая половина крестьянъ-землеробовъ перемѣнила соху и борону на кирку и молотъ. Заводскій поселокъ разросся и окрѣпъ. Какъ нити па-

утины, залегли по лѣсу дороги и тропы, и оплели всю округу паучьими сѣтями. Понаѣхали въ заводъ купцы со своими лавочками различныхъ товаровъ. Открылся въ глуши лѣса первый кабакъ, а при немъ и «распивочно-на-выносъ». И огласилась лѣсная глушь въ дни будніе стономъ и вздохами заводскихъ рабовъ, а въ дни праздничные—пьяными выкриками разгула и крикливыми хмѣльными пѣснями.

Дешевыя рабочія руки обогатили предпринимателей. Настроили они красивыхъ домиковъ, сады завели съ фруктовыми деревьями, навезли красивыхъ экипажей и лошадей. И скоро заводскіе распорядки стали главенствующими на цѣлую округу.

— Все это совершилось на моихъ глазахъ,—говорилъ мнѣ докторъ Иванъ Алексѣевичъ Пермскій, жившій въ лѣсной глуши съ основанія завода.—Я всегда съ радостью и съ тревогой смотрѣлъ на эти перемѣны въ нашей глуши. Я наблюдалъ собственными глазами, какъ нашъ заводъ обновлялъ и измѣнялъ жизнь нашего уголка. Не знаю ужъ, право, что вселяло въ меня тревогу. Не знаю, чѣмъ это и объяснить. Можетъ быть, тѣмъ, что ужъ очень отстали мы были, живя въ глуши, а находчивые господа инженеры просвѣтили насъ и перевернули у насъ въ душѣ все вверхъ дномъ.

— Въ началѣ мужики жили не богато, чуть-чуть сводя концы съ концами, а заводъ поднялъ ихъ благосостояніе. Посмотрите, что теперь стало съ нашими мужиками. Много ли въ заводѣ мужиковъ хлѣбопашествомъ занимаются? Всѣ перебрались на заводскіе заработки, а заводъ то и выжалъ изъ нихъ всѣ соки. Когда то я радовался за мужиковъ, а теперь что? Какъ будто заводъ то обманулъ насъ всѣхъ. Когда нужны были заводскія руки, они, инженеры то, охотно ими пользовались, а какъ провели желѣзную дорогу въ сорока верстахъ, да понаѣхалъ изъ Россіи голодный людъ,—заводскіе заработки и понизились. Дровяное отопленіе господа инженеры замѣнили и стали жечь каменный уголь, отъ этого и лѣсные промыслы упали. А тамъ, недолго думая, завели господа инженеры и новые порядки.

Докторъ съ грустью посмотрѣлъ на меня и продолжалъ:

— Чудное, право, дѣло! Чѣмъ богаче дѣлаются люди, тѣмъ черствѣе у нихъ души. Съ каждымъ годомъ дѣла завода улучшаются, а заработки заводскіе падаютъ... Такъ, вѣрно, и во многихъ мѣстахъ дѣлается, какъ слушаешь людей со стороны. И шатается людъ православный по матушкѣ родинѣ и ищетъ счастья. Никому, разумѣется, не хочется продать свой трудъ за безцѣнокъ, а господа инже-

неры, наши командиры жизни, не хотятъ да и не могутъ понять трудящагося человѣка. Какъ то недавно говорю я нашему главному воротилѣ завода:

— Что это вы, батенька мой, Ефремъ Никитичъ, не заведете прессовъ, чтобы легче было выжимать изъ народа соки?

Обидѣлся на меня страсть какъ, а потомъ ухмыльнулся, да и говорить:

— Вы, Иванъ Алексѣичъ, не понимаете политико-экономическихъ законовъ, они не хуже любого пресса помогаютъ намъ.

— Видите, какой у нихъ союзникъ-то— наука! Понимаете—наука, призванная облагодѣтельствовать человѣка. Да только я не повѣрилъ ему. Вникалъ и я въ эту науку; не въ наукѣ дѣло, и не въ политико-экономическихъ законахъ. Законы черствой души и кривой совѣсти заложены въ насъ. Вотъ они то и прижимаютъ меньшаго брата.

II.

Такъ говорилъ докторъ Пермскій лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я пріѣхалъ въ К—скій заводъ вмѣстѣ съ сыномъ его Всеволодомъ на лѣтнія каникулы.

Я помню это время, и мои наблюденія заводской жизни подтверждали слова доктора Пермскаго.

Цѣлыми днями мы съ Всеволодомъ бродили по заводу и заводскому поселку, заводили знакомства съ рабочими и крестьянами и видѣли, какъ выростала на уготованной почвѣ эксплуатація труда и укрѣплялась, и, казалось, ничто не могло препятствовать этому пагубному укрѣпленію. Братья Устиновы, владѣльцы завода, жили королями въ лѣсной глуши и руководились своими законами жизни.

Мы возмущались заводскими порядками, горячились, спорили съ упитанными инженерами, а они называли насъ «желторотыми птенчиками» и усмѣхались нехорошими кривыми усмѣшками.

Старались мы заглянуть и въ душу рабочаго, пробовали пробудить его спящій умъ. Но въ душѣ простого человѣка было темно, какъ въ лѣсной чащѣ. Въ заводѣ мы были случайными гостями, а для предстоящей большой работы необходимо было время и постоянный упорный трудъ. Съ окончаніемъ каникулъ кончалась и наша просвѣтительная дѣятельность.

Жилъ въ заводѣ древній сѣденькій старичекъ, священникъ отецъ Иванъ. Это былъ смиренный и добрый человѣкъ и единственный духовный руководитель своей паствы. О своей дѣятельности онъ говорилъ: «творю волю пославшаго меня», но не забывалъ исполнять и воли братьевъ Устиновыхъ, владѣльцевъ завода. Онъ училъ свою паству, рабочихъ,

изнывающихъ въ трудѣ, любить ближняго, кто бы онъ ни былъ, и нерѣдко говорилъ рабочимъ: «а вы потерпите, братики мои, потерпите... Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ». Терпѣнію училъ рабочихъ и докторъ Пермскій, когда перевязывалъ сломанную въ шахтахъ ногу или лечилъ заболѣвшихъ тифомъ, воспаленіемъ легкихъ, а то и фѣрменной чахоткой.

Братья Устиновы и весь заводскій штатъ инженеровъ и техниковъ управляли заводомъ и руководили умомъ и душой сѣраго человѣка по своей программѣ все того же терпѣнія и даже требовали къ себѣ любви, какъ къ ближнимъ. И не было на К—скомъ заводѣ никого, кто могъ бы натолкнуть трудящагося человѣка на протестъ. Но жизнь помогла и этому.

Нѣсколько лѣтъ спустя до меня дошли слухи о какихъ-то «новыхъ» людяхъ, появившихся на К—скомъ заводѣ. Люди эти привезли съ собой новыя слова и новыя пѣсни. Вскорѣ за новыми словами и новыми пѣснями зародилась въ лѣсной глуши и новая жизнь. Потомъ, какъ-то вскорѣ, пришли съ завода и печальныя вѣсти. Братьямъ Устиновымъ не понравились новыя пѣсни новыхъ пришельцевъ, скоро разгадали они и ихъ новыя думы. А догадались кое о чемъ братья Устиновы, и въ заводѣ поселили урядника, а «смутьяновъ», рабочихъ съ юга, выслали съ завода. И снова сомкнулся горный лѣсъ густой стѣной и похо-

ронилъ въ своихъ тайникахъ самобытную тайну человеческого существованія.

Спустя года два послѣ неудачной попытки «новыхъ» людей обновить лѣсную жизнь, я заѣзжалъ на К—скій заводъ зимою. Холодомъ и смертью вѣяло отъ горныхъ кряжей подъ саваномъ снѣга. Пустыннымъ и помертвѣвшимъ казался и лѣсъ. А заводъ по прежнему дымилъ высокими трубами, и, какъ и раньше, въ нѣдрахъ земли и въ кирпичныхъ корпусахъ кипѣла работа.

Докторъ встрѣтилъ меня сумрачно и сказалъ:

— Занесло насъ совсѣмъ снѣгами... Живыми похоронили насъ тутъ. А на заводѣ-то что дѣлается—новые рабы господъ Устиновыхъ стонуть дни и ночи.

Вдовый священникъ о. Иванъ встрѣтилъ меня съ радостной улыбкой, но въ разговорѣ его ничего не было радостнаго.

— Въ глухую пору зимы вы къ намъ пожаловали. Вьюги наши горныя, какъ злые духи, полонили насъ тутъ и ни тебѣ выѣхать къ свѣту, ни тебѣ радость какую со стороны получить... А все же и у насъ есть радости свои. Съ осени земство школу у насъ открыло, и Катюша моя учительствуетъ.

Въ чистенькой столовой поповскаго дома встрѣтилъ я и Катюшу, бѣлокурую дѣвушку лѣтъ восемнадцати.

Я зналъ Катерину Ивановну маленькой гимназисточкой, съ наивнымъ безпечнымъ лицомъ, а теперь она взрослая дѣвица, да еще и учительница. На возмужавшемъ лицѣ—печатъ серьезности и дѣловитости, а въ глазахъ—серьезная дума. Какъ то дружественно и по родственному крѣпко пожала она мнѣ руку и пытливо заглянула въ глаза.

За завтракомъ она долго рассказывала мнѣ о своихъ школьныхъ занятіяхъ и съ печалью въ голосѣ закончила:

— Все-таки, все это не то и не то. Моя школьная работа не удовлетворяетъ меня: программа сужена, библіотека не отвѣчаетъ запросамъ даже и моихъ учениковъ. Взрослые рабочіе также идутъ въ школу за книгой, а какія книги у меня въ школѣ,—для дѣтей. Имъ хочется продолжать ученіе, а книгъ нѣтъ... Вздумали было мы съ Иваномъ Алексѣвичемъ закупить книгъ и свою библіотеку обосновать. Узналъ попечитель и запретилъ, да и отцу моему отъ архіерея досталось.

— Что же, доносъ?

— Да. Одинъ изъ Устиновыхъ постарался. Имъ, вѣдь, очень выгодно имѣть рабочихъ, которые ни книгъ, ни газетъ не читаютъ. Съ такихъ и шкуру сдирать легче.

Лѣтомъ на другой годъ я снова побывалъ въ К—скомъ заводѣ и уѣхалъ въ шумную столицу съ грустными воспоминаніями.

Началось это грустное съ первыхъ же дней моего прїѣзда. О. Ивана я засталъ въ его уютномъ домикѣ одинокимъ.

— А-а... здравствуйте, здравствуйте! — широко разставивъ руки, воскликнулъ онъ при встрѣчѣ. — Добро пожаловать! А я со вчерашняго дня одинъ: Катюша съ Всеволодомъ Ивановичемъ верстъ за тридцать на земскій пунктъ уѣхали, за фельдшерицей... Доктора то мы своего, Ивана то Алексѣича, схоронили...

— Какъ такъ? — изумился я.

— А такъ, схоронили! Съ недѣлю всего и болѣлъ, воспаленіе въ легкихъ. Всеволодъ и экзамены побросалъ — прїѣхалъ, да вотъ съ тѣхъ поръ и живетъ на заводѣ.

Не стало милаго доктора, который такъ близко умѣлъ подходить къ рабочему человѣку, и воспоминанія о покойномъ заставили помолчать и меня, и О. Ивана.

— Любили его работнички наши, нечего сказать, — началъ послѣ длинной паузы О. Иванъ: — И меня онъ, царство ему небесное, научилъ любить людей... Съ начала-то я боялся и подойти къ рабочему человѣку: все думалъ — подойдешь къ нему, а потомъ тебя въ крамолѣ обвинять, а гдѣ ужъ мнѣ на старости лѣтъ по тюрьмамъ да по ссылкамъ томиться! А тутъ и вышло такъ; научилъ меня покойничекъ Иванъ Алексѣевичъ любить трудящегося: бывало безбоязненно идетъ по заводу,

заходить въ хаты, бесѣдуетъ, того успокоить, другому дать совѣтъ. И стало мнѣ стыдно! Какъ же это я, духовное лицо, боюсь своей паствы. А прошла эта боязнь,—и любовь настоящая къ человѣку въ душѣ моей вселилась... Такъ-то вотъ оно дѣлается: до сѣдыхъ волосъ доживетъ человѣкъ, а людей любить не научится!

III.

Мы перешли на открытую террасу, столбы которой были повиты какой-то ползучей растительностью, и усѣлись за самоваромъ. А о. Иванъ продолжалъ свое повѣствованіе о томъ, что случилось у нихъ за этотъ послѣдній годъ.

— У насъ теперь всѣми дѣлами ворочаютъ иностранцы,—говорилъ о. Иванъ. На югѣ гдѣ-то они счастье пытали, да не повезло. Вотъ и перебрались къ намъ. Вижу я—дѣло у нихъ большое выйдетъ: умѣючи взялись за работу, и деньжищъ уйма... Только для нашихъ-то мирянъ дѣло плохое вышло. Понавезли они съ собою рабочихъ своихъ, а почти всѣхъ нашихъ въ заштатъ...

— Какъ такъ?

— Да такъ! «Ступайте,—говорить, вы намъ не нужны. Своихъ мы рабочихъ привезли». Съ этого вотъ и началась у насъ въ

заводѣ вражда, да непріязнь открытая, а потомъ голодовки, да болѣзни... А сначала и бунты поднялись было: бельгійцы за станки берутся, а наши ихъ не пускаютъ. Да что съ силой подѣлаешь: кто уgomонился, кто ушелъ на сосѣдніе заводы. А кто изъ заводскихъ-то рабочихъ въ чернорабочіе переименовался. Такъ-то вотъ мы тутъ и живемъ, враждуемъ, а бѣдность свое беретъ—изнываетъ человѣкъ. Жили люди въ лѣсной темнотѣ и не чаяли, а врагъ приближался...

Въ царство бураго медвѣдя и сѣраго волка пробралась новая жизнь съ заграничнымъ лоскомъ и заграничными порядками. Бельгійцы-инженеры, очевидно, не считали русскихъ людей способными для европейской культуры и работы, если съ собой привезли своихъ рабочихъ. Оставшіеся не у дѣлъ лѣсные люди невольно стали считать своего же брата рабочаго-бельгійца—врагомъ. Посмѣивались русскіе люди надъ вязаными куртками французовъ, и башмаки ихъ съ толстыми подошвами казались смѣшными, и шляпы—широкополыя, коричневые, пугали заводскихъ ребятишекъ. Какъ пропасть, раздѣлила людей разная культура и не одинаковая религія; и языкъ для обмѣна мыслей у этихъ людей былъ различный: больше жестами переговаривались пришлецы съ аборигенами. По разному жили бельгійцы, по разному и чувствовали.

Тамъ, гдѣ нѣкогда лежалъ пустырь, поросшій бурьяномъ, бельгійцы построили небольшие домики съ желѣзными кровлями, террасами и палисадниками. Въ этихъ домикахъ поселились семейные рабочіе, а для холостяковъ были выстроены новыя казармы со всѣми удобствами для холостой жизни.

К—скіе рабочіе, а особенно же крестьяне изъ поселковъ и бабы, дивились чистотѣ и удобствамъ вновь построенныхъ домиковъ, и, сравнивая жилье бельгійцевъ съ своими хатками—завидовали сосѣдямъ, и вражда западала въ человѣческую душу все глубже и глубже.

К—ская молодежь съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ наблюдала за танцами бельгійскихъ рабочихъ, когда въ праздничные дни тѣ высыпали на площадки веселой толпой и подъ звуки собственнаго оркестра предавались веселю. Слушали они и незнакомыя пѣсни на непонятномъ языкѣ, но не могли уловить ихъ смысла. Слышали к—скіе обыватели и какія-то непонятныя рѣчи, когда бельгійцы-рабочіе собирались тѣсными кружками гдѣ-нибудь въ лѣсу, чтобы не привлечь вниманіе урядника, и обсуждали свои заводскіе порядки.

Многому бы могли научиться к—скіе старожилы у своихъ иностранныхъ враговъ, но двѣ группы людей были похожи на два незнакомыхъ народа, у которыхъ нѣтъ общаго языка.

— Какъ тутъ съ этими французами быть, и ума не приложишь,—говорилъ Тихонъ Дроздовъ, самый видный и дѣятельный изъ числа рабочихъ, оставшихся на заводѣ послѣ появленія бельгійцевъ—дѣло они настоящее говорятъ, а не поймешь ихъ, да и для насъ они не вороги какіе, не лѣсные медвѣди... Этотъ вонъ длинный-то, черномазый... какъ его, Арну, что-ли, дошлый человѣкъ: подойдетъ, руку протянетъ, поздоровается и что-то этакъ весело скажетъ. А то и по плечу похлопаетъ... Я такъ думаю, напрасно мы на этихъ самыхъ французовъ сердимся, а худа они намъ не хотятъ.

— Худа не хотятъ!—съ выраженіемъ негодованія подхватывалъ Власъ Прокофьевъ— а изъ-за кого я теперь муки терплю. Съ завода прогнали, лѣсомъ заниматься не могу, и земля для меня, что чужая, потому—лошади у меня нѣтъ... Сколько лѣтъ на заводѣ работалъ, а теперь изволь въ батракахъ ходить...

Власъ Прокофьевъ—неудачникъ на всю жизнь. Когда-то не взяли его въ солдаты, за негодностью—грудь узка оказалась, а туловище длинно—совсѣмъ ни къ чему. Здоровьемъ онъ былъ слабъ, и на заводѣ-то его терпѣли такъ только, потому что некому было замѣнить слабосильнаго работника. А какъ наѣхали бельгійцы, то Власа въ первую же голову уволили, и сдѣлался онъ постояннымъ батракомъ и непримиримымъ врагомъ бельгійцевъ.

✓
12562
— Эхъ, Власъ, Власъ!—укоризненно начиналъ Дроздовъ—да рабочіе-то, бельгійцы-то эти, приче́мъ тутъ. Ты инженеровъ вини—они тебя уволили. Погляди-ко, вонъ, какъ этотъ самый Арну-то свою линію ведетъ...

— Свою-то линію онъ ведетъ,—перебивалъ Прокофьевъ,—а куда моя линія пойдетъ?.. А?.. Глоты, проклятые, наѣхали тутъ!..

Въ зеленыхъ глазахъ Прокофьева загорались искорки злобы, и онъ начиналъ сердиться уже не на однихъ бельгійцевъ, отбившихъ у него заработки, но и на своихъ же товарищей, оставшихся при заводѣ.

Дроздовъ не унимался и продолжалъ свое:

— Не шуми, Власъ! Зря не болтай... Послухалъ бы вонъ, что этотъ самый Арну, Коноводъ то ихъ, говоритъ...

— Много ты понимаешь, что онъ говорить!—продолжалъ неистовствовать Прокофьевъ.

— Стало быть, понимаю... Катерина Ивановна все по ихнему понимаетъ, она и говорила...

— Про Катерину Ивановну я ничего не говорю...

— Ну, то-то вотъ... худа она намъ не хочетъ, да и батько-то ее, о. Иванъ, тоже худа намъ не захочетъ... А Катерина-то Ивановна и говоритъ, будто Арну этотъ самый и всѣ его товарищи насъ съ тобой не врагами какими почитаютъ, а такими же товарищами...

Мнѣніе товарищей, присутствовавшихъ при этихъ разговорахъ, раздѣлилось. Нѣкоторые подтверждали слова Дроздова, а другіе, напротивъ, были солидарны съ Прокофьевымъ.

Въ споръ вступала и Катерина Ивановна и говорила:

— Жуль Арну и его товарищи по работѣ—товарищи и ваши...

— Ну, ужъ этакихъ товарищей-то много и въ лѣсу у насъ!—не унимался и перебивалъ учительницу все тотъ же Прокофьевъ.

— Ахъ, Власть, Власть! не хочешь ты понять... безъ понятіевъ человѣкъ, и все тутъ,—махая рукою говорилъ Дроздовъ.

IV.

Многому бы могли поучиться к—скіе старожилы у своихъ новыхъ товарищей, но нужны были годы, чтобы связать общей солидарностью два враждующіе лагеря. Люди не владѣли однимъ и тѣмъ же языкомъ, говоря на которомъ, быть можетъ, и могли бы сговориться, и это была главная причина, почему товарищи враждовали. Единственная переводчица, Катерина Ивановна, и сама-то не важно говорившая по-французски, — не могла, конечно, помочь дѣлу во всѣхъ случаяхъ жизни. Размахивали люди руками, вращали глазами и старались говорить, но плохо понимали другъ друга. Но

вотъ случилось однажды и нѣчто такое, что вдругъ какъ будто заполнило пропасть, отдѣлявшую однихъ людей отъ другихъ, и тогда у бельгійцевъ нашелся и общій языкъ.

Случилось это весной. Растаяли на горахъ и въ лѣсахъ снѣга и мутными потоками устремились въ узкое, но глубокое русло горной рѣчки Урсула-Елга. А на рѣчкѣ была оборудована крѣпко стройная плотина съ шлюзами и отводными канавами. Но не помогли эти каналы, не устояли и шлюзы передъ напоромъ внешней воды. Съ грохотомъ, съ каскадами брызгъ въ ненастную апрѣльскую ночь устремились воды рѣчки Урсула-Елга на плотину и разрушили запруду.

А когда внешнія воды спали, заводчики принялись строить новую запруду. Созвали рабочихъ со всей округи для земляной и плотничной работы, а рабочихъ рукъ все не хватало. Вызваны были и башкиры изъ лѣсовъ и горъ, а тутъ началась и борьба съ заводчиками. Земляныя работы были особенно трудны: приходилось возить землю на тачкахъ почти за полверсты, спускать тачки по уклону берега, едва держась на откосѣ. Еще труднѣе была доставка съ горъ песчаника. Рабочіе измаялись послѣ первыхъ же дней работы и началось неудовольствіе.

Какъ-то утромъ, плохо поспавшіе за ночь, рабочіе—землекопы и плотники на работу не

встали. Столпились около своихъ холодныхъ, промокшихъ на дождѣ шалашей, и заговорили однимъ голосомъ: работать не станемъ пока не прибавятъ.

— По полтинѣ на душу прибавляй, Никодимъ Петровичъ,—заявили землекопы своему рядчику.

— Не жирно ли будетъ?—возразилъ рядчикъ.

— Небось, не жирно, а не прибавишь—на работу не станемъ!

Появились около плотины и французскіе инженеры. Пришли сердитые и бойкіе на языкъ, только плохо понимали землекопы рѣчи инженеровъ, да и понимать-то, пожалуй, нечего было. Ясно было для cadaго, что бельгійцы по полтинѣ не прибавятъ. Стали торговаться. По четвертаку набавляли безъ спора, а о второмъ четвертакѣ и говорить не хотѣли.

До полдня на берегу рѣчки шелъ говоръ, и землекопы уступили—пошли на прибавку въ четвертакъ на душу. А башкиры, обрадованные побѣдою русскихъ, тоже забастовали и встали на работу также только послѣ того, какъ и ихъ рядчикъ, сѣденькій старичекъ Сафіулла, передалъ имъ приказъ инженеровъ о прибавкѣ.

За ночь всѣ землекопы опять плохо спали, всѣ грѣлись около костровъ, да ругали работу. Сушили у огня зипуны свои да онучи, да

говорили объ истекшемъ днѣ. А по утру опять заговорили объ одномъ и томъ же:

— Коли не прибавятъ еще четвертакъ, такъ и на работу не пойдёмъ. Айда, ребята, дружнѣй!.. Народу теперь не гдѣ взять, — рѣки-то разлились.

— Башкирьё бы это не подвело, — выражали сомнѣніе за своихъ товарищей по работѣ русскіе рабочіе. — Народъ темный, сиганеть тебѣ за ночь то въ деревню, да и приведетъ своихъ.

— Не пустимъ... Не сиганеть... Гдѣ имъ, да они и сами понять должны — намъ дѣло испортятъ и себѣ не на радость сдѣлаютъ.

Послали въ бакширскіе шалаши, справиться, какъ тамъ на счетъ прибавки думы сложились?

— Айда... сѣва его глядѣть... прибавка давай!.. — кричали башкиры.

Загорѣлые темноглазые башкиры были страшны, когда кричали, размахивали руками и кому то грозили. Ихъ рядчикъ Сафіулла взывалъ къ Аллаху и старался склонить своихъ сородичей, и разными земными благами соблазнялъ землекоповъ, но угрюмые дѣти горъ и лѣсовъ поняли силу русскаго слова «забастовка» и не отставали отъ товарищей. А въ заводской конторѣ, дѣйствительно, уже шелъ разговоръ о томъ, чтобы послать нарочныхъ въ отдаленныя башкирскія деревни и вызвать оттуда новыхъ рабочихъ.

— Ножъ брюхо порижь!..

— Голова кончаемъ!— кричали башкиры, грозя Сафіуллѣ, если тотъ измѣнитъ имъ и пошлетъ нарочнаго за новыми рабочими.

Въ то же утро заговорили въ одинъ голосъ и плотники, стругавшіе новые слепы для новой плотины. Люди эти были собраны изъ починковъ, населенныхъ вятскими мужиками, жили дружно, дружно и примкнули къ забастовкѣ землекоповъ и свои требованія выставили.

— Полтину въ сутки прибавляй... Не станемъ на работу!

Два дня и двѣ ночи враждовали два лагеря: рабочіе не уступали, да и владѣльцы завода не сдавались. А время шло, приближалось начало трудной и спѣшной работы по промывкѣ руды, а прудъ не былъ готовъ.

Обратились было инженеры и заводчики къ своимъ заводскимъ рабочимъ, прося ихъ помочь сдѣлать плотину. Предложеніе это вызвало цѣлую бурю въ лагерѣ рабочихъ бельгійцевъ. Послушные своему руководителю Жулю Арну, бельгійцы, какъ одинъ человѣкъ, заявили заводчикамъ, что на земляныя работы не станутъ.

— Мы не штрейкбрехеры!— гордо заявилъ Арну за себя и за товарищей: и подводить товарищей не будемъ.

Громкимъ крикомъ восторга отозвалась толпа забастовщиковъ, когда къ нимъ явился

отъ Катерины Ивановны ихъ посланный и передалъ, какъ поступили бельгійцы.

— Ай-да молодцы!.. Вотъ они какіе. А мы на нихъ сердились.

— Ну, и народъ!.. Это заправскіе товарищи. Мы имъ и по вѣрѣ чужіе и говорить по ихнему не умѣемъ, а они на-ко тебѣ, что выкинули.

— Ай-да, французы!

— Мо-о-лодцы!

✓ Вечеромъ, при свѣтѣ костровъ рабочіе землекопы и башкиры, что называется, братались съ бельгійцами, угощали ихъ башкирской салмой и крутомъ изъ козьего молока. А веселые и радушные французы въ своихъ щегольскихъ курткахъ и башмакахъ и въ короткихъ штанахъ, запущенныхъ въ чулки, говорили что-то своимъ иноземнымъ товарищамъ, хотя тѣ ничего не понимали.

✓ Казалось, въ эту ночь не нуженъ былъ и какой-то общій языкъ, чтобы двѣ группы людей понимали другъ друга. Заговорили всѣ они—наши русаки и башкиры и французы, на одномъ языкѣ трудящагося человѣка, и не надо было особенно много времени, чтобы скоро понять другъ друга.

А на утро землекопы выступили на работу. Заводская контора прибавила по полтинѣ на душу, да еще обѣщали и шалаши поправить и сдѣлать ихъ болѣе удобными для жилья. Получили свое и плотники.

И какъ весело началась работа въ это ясное утро послѣ непогоды! Такъ и казалось, что и само небо порадовалось побѣдѣ рабочихъ. Пока люди изнывали за работой въ холодѣ и сырости, солнце совсѣмъ не выглядывало изъ-за сѣрыхъ, низко ползущихъ тучъ, а тутъ, какъ побѣдили люди, и оно возрадовалось и вышло своимъ яснымъ горящимъ кругомъ изъ-за верхушекъ горъ на чистое небо.

V.

Какъ то разъ я бродилъ по К—скимъ полямъ: пробирался по узкимъ межникамъ, поросшимъ бурьяномъ и полынью, выходилъ въ поле, засѣянное рожью. И вотъ со мною повстрѣчался Лука, широкоплечій большой человѣкъ съ рыжей бородой и угрюмыми темно-сѣрыми глазами.

Когда то Лука былъ заводскій рабочій и слылъ за хорошаго кузнеца. Года два назадъ его уволили съ завода, «съ большимъ скандаломъ», какъ говорили тогда. Уволившись съ завода, Лука открылъ было свою кузницу, но глухи наши горныя дороги, мало проѣзжаетъ на нихъ посторонній людъ, и заработки Луки были ничтожны. Бросилъ онъ кузницу и опять занялся хлѣбопашествомъ.

— Какой ужъ я землеробъ, — говорилъ онъ о себѣ: — Разучился и около земли то ходить;

руки тяжелы стали, да и другому я обученъ... Опять же и то... Изъ-за какой выгоды мы тутъ десятки лѣтъ бились. Почитай, мальченкомъ я былъ, какъ этотъ самый заводъ-то мастерили. Отецъ мой, Ефремъ, царствіе ему небесное, на этой самой постройкѣ и душу богу отдалъ... Сорвалась желѣзная балка съ гнѣздъ своихъ да и ахнула по головамъ: троихъ на смерть уложила, а человѣкъ пять такъ и остались на всю жизнь кто безъ ноги, кто безъ руки... За что мы кости свои ломали на заводѣ этомъ, а пріѣхали какіе-то глотыбасурманы и насъ прогнали съ завода. А какъ строили тутъ заводъ-то, глухо было. Никто не ѣхалъ, всѣ боялись лѣса нашего глухого, а какъ мы своими горбами скорчевали лѣсъ, да заводъ этотъ выстроили на костяхъ своихъ, тутъ и охотники нашлись. Чугунку провели у села Егорьевскаго, и опять чужіе люди понаѣхали, а насъ, коренныхъ лѣсныхъ людей, въ сторону... Умирать, стало быть, намъ теперь,дохнуть!.. Лѣсъ выкорчевали, заводъ построили, дороги проложили и ай-да, Лука Ефремычъ, не нуженъ ты намъ теперь... Нѣ-ѣ-тъ, шалишь, гнѣдая!.. Я вамъ, басурманы проклятые, покажу-у... покажу-у...

Онъ говорилъ враждебнымъ тономъ, и въ глазахъ его съ искрами злобы все больше и больше разгорались огни ненависти къ басурманамъ-бельгійцамъ.

— Вонъ мальчишка-то мой, старшой, Никандромъ звать... ему всего пятнадцать лѣтъ, а куда онъ ходитъ? Работалъ на заводѣ, испортилъ ногу и ходитъ теперь, какъ ворона съ подбитыми крыльями... За что они басурманы, мово мальчишку испортили? Ноги-то отбивалъ, хлопоталъ насчетъ пособія, а что дали?... три красненькихъ на лѣченіе... Да ты ему новую ногу подавай, а не три красненькихъ...—горячился Лука.—Три красненькихъ проѣшь—и нѣтъ ихъ, а ты мнѣ ногу сыну моему давай, ты, заводъ проклятуцій!..

И Лука, грозно сверкнувъ глазами въ сторону заводскихъ построекъ съ дымящимися трубами, добавилъ:

— Ногу сыну моему отдай, заводъ проклятуцій... Мнѣ работы давай, потому—я тебя строилъ, я потъ проливалъ, какъ кирпичи носили въ гору на рукахъ—на ногахъ своихъ...

Съ секунду помолчавъ, Лука обернулъ лицо вправо, откуда, изъ-за опушки чахлаго березняка, донесся окрикъ лошади, и добавилъ какимъ-то новымъ жалливымъ голосомъ:

— Вонъ онъ, мой Никандръ-то, съ одной ногой тащится...

Я повернулъ глаза вправо и увидѣлъ невысокаго паренька, съ обнаженной головою. Паренекъ этотъ какъ-то странно ковылялъ на правую здоровую ногу и шелъ за сохой, придерживая сошникъ вытянутыми руками. Изрѣдка

онъ покрикивалъ на тощую гнѣдую лошаденку, пріостанавливался, придерживалъ лошадь вожжами, что-то поправлялъ внизу сохи и опять ковылялъ за лошадью, покрикивая:

— Но-о... но... ду-у-ра!..

Красная кумачная и полинялая рубаха на его узкихъ плечахъ грязно-краснымъ пятномъ отливала на ярко-черномъ фонѣ вспаханной полосы. Пятнами и подтеками на спинѣ и на подмышкахъ проступалъ потъ, и лицо было потно, и бѣлокурые волосы, прилипшіе къ потному лбу, лоснились отъ пота.

Добравшись до конца полосы, и лошадь и Никандръ отдыхали въ тѣни, отброшенной берегами на опушкѣ, и опять шли въ другой конецъ полосы. А Лука слѣдилъ глазами за сыномъ и лошадью и говорилъ:

— Парень-то какой ладный, Никандръ... Ему ли пахать землю, а онъ надоѣлъ мнѣ: дай, тятетька, я пройду съ сохой, дай да дай... Ну и далъ, а, вишь, какой потный, Господь съ нимъ... Гдѣ ему пахать... Пойти, вѣрно, мнѣ...

Лука поднялся, одернулъ рубаху, на сапоги свои покосился и спину почесалъ.

— А что же заводъ не опредѣлилъ ему пенсіи?—спросилъ я Луку.

— И насчетъ пенсіи хлопотали, и въ судъ я ходилъ, а только ничего не вышло... Нѣтъ, вишь ты, такого закона, чтобы мальченку на тяжелой заводской работѣ маяться, а нѣтъ

закона, такъ не бери на работу-то. А они, глоты, взяли его, испортили у меня сына, а пенсіи этой самой нѣтъ... Нѣтъ, вишь ты, закона насчетъ того, чтобы мальцевъ на заводѣ портить, нѣтъ закона, и чтобы пенсію имъ выдавать... Вотъ ты, поди, и разберись... Можетъ, въ другихъ мѣстахъ и есть какіе законы, а у насъ въ лѣсу, братъ, свои законы... «Ходить, говорятъ, сынъ твой можетъ, какая же ему пенсія»... Такъ и сказали... Ходить можетъ, а далеко ли уйдешь на одной ногѣ-то?..

Двинувшись въ сторону сына, бредущаго за сохою, Лука пріостановился на краю межника и добавилъ:

— А коли у насъ тутъ свои лѣсные законы, такъ пусть такъ и будетъ: и я вамъ пропишу свои законы... глоты проклятые, басурманы...

Уходя отъ меня, Лука ворчалъ еще что-то, но словъ его я уже не могъ разобрать. Шелъ человѣкъ по пахати, глядѣлъ угрюмо въ сторону завода и бормоталъ слова проклятiя.

Возвращаясь съ поля, я смотрѣлъ въ сторону полоски земли, на которой трудился Лука и его сынъ, и думалъ объ этомъ Никандрѣ въ полинявшей красной рубахѣ. Выбросилъ заводъ этого подростка, какъ ненужный шлакъ, и лежитъ онъ теперь въ полѣ, никому ненужный и ни къ чему непригодный. А уставшій потный Никандръ лежалъ у края межника, и

красно-крававымъ пятномъ отливала его полинялая кумачная рубаха.

VI.

Новая бѣда ходила не за горами. Сразу какъ-то, дня въ два, въ пяти-шести хатахъ к—скихъ обывателей заболѣли ребята. Тревогой охватило и населеніе красивыхъ бельгійскихъ домиковъ, и у французовъ заболѣли дѣти. А вскорѣ к—скіе бабы и мужики понесли съ плачемъ и причитаніемъ маленькіе гробики на сельскій погостъ. Медикъ, студентъ Всеволодъ, по личному почину, какъ могъ, старался замѣнить своего покойнаго отца, но борьба съ эпидеміей дизентеріи не увѣнчалась успѣхомъ. Спѣшно выслало земство фельдшерицу Анну Николаевну, молодую дѣвушку, горячо принявшуюся за работу. И мы съ о. Иваномъ, какъ могли, помогали нашему маленькому медицинскому отряду, а болѣзнь производила свои опустошенія. И часто, бывало, отецъ Иванъ отпѣвалъ маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. И часто, почти каждый день, съ плачемъ и стономъ носились на погостъ крошечные гробики, сколоченные изъ пряно пахнущихъ сосновыхъ досокъ.

Заводская администрація всполошилась и старалась облегчить работу фельдшерицы: выписали лѣкарства, назначили санитаровъ изъ

среды рабочихъ, а бельгійцы рабочіе стали собираться небольшими группами и обсуждать новое требованіе, которое черезъ день и было представлено въ контору завода. Рабочіе пригрозили забастовать, если администрація не выпишетъ докторовъ. Къ требованію бельгійцевъ присоединились и русскіе рабочіе, а тамъ зашумѣли и чернорабочіе, и сплавщики лѣса, и тачечники, которые цѣлыми днями вывозили изъ-подъ горы руду.

Снова объединились люди, говорившіе на разныхъ языкахъ, и опять Дроздовъ спорилъ съ Прокофьевымъ и кузнецомъ Лукою:

— Что, не я ли вамъ говорилъ, черти!.. Они, французы-то, на нашей сторонѣ, только доведись какой бѣдѣ...

Неукротимый врагъ французовъ, Прокофьевъ, сдавался и молчаніемъ своимъ подтверждалъ, что слова Дроздова имѣли и на него свое благопріятное вліяніе. Только кузнецъ Лука по-прежнему угрюмымъ ходилъ по заводу, а то сидѣлъ у постели второго больного своего сына и бранился.

Заболѣлъ его маленькій курчавый сынъ Михѣйка съ утра, а къ вечеру посинѣлъ весь и свалился въ постель. Простоволосая, обезумѣвшая отъ горя, прибѣжала къ Аннѣ Николаевнѣ жена Луки, бросилась въ ноги отчаявшаяся баба и завопила:

— Матушка фельшариха, спаси мово Михѣчка!.. спаси-и!.. Лука то мой бѣснуется..

Руки, грить, на себя наложу, коли Михѣйка помретъ...

Плачущая женщина дальше не произнесла ни слова. Стучалась лбомъ въ полъ у ногъ Анны Николаевны, а сконфуженная и обезкураженная молодая дѣвушка силилась поднять бабу съ пола и бормотала:

— Зачѣмъ же ты это-то... въ ноги-то... Ну пойдемъ, пойдемъ скорѣе къ твоему мальчику...

Жена Луки и Анна Николаевна спѣшно ушли, а мы съ Катериной Ивановной принялись готовиться къ тому, чтобы спѣшно же выйти вслѣдъ за Анной Николаевной.

А вечеромъ того же дня, когда мы всѣ сидѣли на террасѣ уютнаго домика о. Ивана и пили чай, пришелъ Лука.

Передъ его приходомъ мы всѣ, точно замороженные кѣмъ-то, молчали. Уставшіе за день, Всеволодъ и Анна Николаевна мечтали объ отдыхѣ, а я боролся съ какимъ-то смутнымъ и тревожнымъ чувствомъ.

Только одну фразу за весь вечеръ я услышалъ отъ Анны Николаевны. Вздохнула она, провела рукою по лбу и сказала:

— Не выживетъ этотъ Михѣй, сынъ Луки... истощенъ очень—одни кости и кожа...

И мы молчали, безсильные помочь истощенному мальчику.

Какимъ-то темнымъ угрожающимъ пятномъ выдвинулся изъ тьмы вечера Лука, въ темномъ

зипунѣ, въ лохматой шапкѣ и съ всклокоченными волосами, выбивавшимися изъ-подъ этой шапки.

Неожиданно близко придвинулся къ террасѣ, не поздоровался, а густымъ дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Ты, Анна Николаевна, выльчи мнѣ этого Михѣйку... какъ хошь!..

Анна Николаевна вздрогнула и поблѣднѣла. И насъ всѣхъ напугалъ какой-то жесткій, требовательный голось Луки.

Какъ то угрюмо посмотрѣлъ Лука на пламя лампы, оглядѣлъ и всѣхъ насъ поочередно, точно призывая и каждого изъ насъ къ тому же, о чемъ онъ такъ требовательно обратился къ Аннѣ Николаевнѣ.

Еще ближе придвинулся Лука къ террасѣ и еще внимательнѣе разсматривалъ лицо фельдшерицы. Упорнымъ угрюмымъ взглядомъ онъ какъ бы побуждалъ Анну Николаевну отвѣтить: спасеть она его сына, или нѣтъ?

Приподнялась Анна Николаевна со стула, оперлась руками въ край рѣшетки террасы и сказала спокойнымъ голосомъ:

— Лука... такъ я же лѣчу мальчика твоего. Утромъ опять приду, а если хуже будетъ ночью—ты прибѣги...

— Ужъ ты мнѣ его выльчи,—по прежнему угрюмо продолжалъ кузнецъ;—потому, никакъ это невозможно, чтобы умеръ онъ... Никандра

мово заводъ испортилъ, да чтобы и этого послѣдняго сына...

Онъ отрицательно помоталъ головою и опять мрачно и отчаянно поглядѣлъ на фельдшерицу и насъ всѣхъ осматрѣвъ долгимъ пронизывающимъ взглядомъ.

Поднялся со стула и о. Иванъ, мягкимъ движеніемъ руки отодвинулъ пряди сѣдыхъ волосъ съ висковъ и мягкимъ же вкрадчивымъ голосомъ обратился къ Лукѣ:

— Лука, а ты подойди-ка ко мнѣ поближе... А?.. милъ человѣкъ...

Кузнецъ перевелъ угрюмые глаза на батюшку, но не двинулся съ мѣста.

— А ты не отчаявайся, милъ человѣкъ, — продолжалъ о. Иванъ: — Анна Николавна вылѣчитъ твою мальченку, и будетъ онъ живъ и здоровъ.

— Можетъ, будетъ живъ, а, можетъ и помретъ, — угрюмо продолжалъ кузнецъ: — а только никакъ это невозможно, чтобы сынъ мой умеръ... Одинъ безъ ноги остался, а другой... чтобы умеръ.

— А ты надѣйся, милъ человѣкъ, да помолись богу... Въ воскресенье приди въ церковь, просвирку тебѣ дамъ, за здравіе сына твоего частицу выну... Вотъ, оно, богъ дастъ, и поправится дѣло-то.

Успокаивающій голосъ о. Ивана, повидимому, подѣйствовалъ на мятежную душу Луки, и онъ немного успокоился.

— Можетъ, ты, батюшка, и правду говоришь, а только... не было у насъ въ лѣсу нехристей-то этихъ, не было и бѣды...—началь было Лука.

— Ну, ты опять свое...—перебилъ его о. Иванъ—развѣ заводчики виноваты, что твой сынъ заболѣлъ?

— А кто же, какъ не заводчики?—воскликнулъ Лука, и опять его лицо вспыхнуло краской негодованія.

А о. Иванъ продолжалъ свое:

— Не хорошо, милъ человѣкъ, такъ-то на людей напраслину возводить; клеветой, грѣхомъ это называется.

— Ты, батюшка, доподлинно знаешь, кто изъ насъ больше грѣшенъ—мы ли, али вонъ тѣ нехристи.

— Это, милъ человѣкъ, только господь знаетъ, а ты пойдѣ домой, да успокойся. А завтра придетъ къ тебѣ Анна Николавна, и сына твоего полѣчитъ, а тамъ и выздоровѣетъ твой Михѣюшка.

Говоря такъ, батюшка сошелъ съ террасы, подошелъ къ Лукѣ и по плечу его любовно похлопалъ, а потомъ и шепнулъ ему еще что-то.

Скоро и о. Иванъ и Лука утонули въ сумракѣ ночи.

VII.

— Что я буду дѣлать, если сынъ его умретъ?—задалась вопросомъ фельдшерица и руки скрестила:—А я знаю, онъ не выживетъ...

Послышались рыданія и Анна Николаевна забила въ истерику. Не выживетъ.

Мы бросились успокаивать ее, потомъ увели въ ея комнату, рядомъ съ комнатою Катерины Ивановны. Дѣвушки остались тамъ, а мы съ Всеволодомъ снова вышли на террасу.

Заложивъ руки въ карманы брюкъ, Всеволодъ остановился около входа на террасу, лицо повернулъ въ сторону завода и не громко сказалъ:

— Сколько правды въ словахъ этого Луки. Жили здѣсь люди своей лѣсной жизнью, голодали и страдали, но это были какія то свои, лѣсныя страданія... Возникъ заводъ и съ собой принесъ новыя страданія. Измѣнилъ глухой уголокъ, людей просвѣтилъ, окультурилъ ихъ, а вмѣстѣ съ этой культурой принесъ и страданія.. Таковъ этотъ новый владыка земли—капиталъ...

Изъ тьмы ночи появился о. Иванъ. Медленно вошелъ онъ на террасу, опустился на стулъ свой и не громко началъ:

— О, господи! господи!.. Жалко мнѣ этого человѣка: мутить его душу что то такое сильное, властное, темное.. А, вѣдь, какой онъ мастеръ то своего дѣла былъ... Правда, зря его заводчики выбросили и работы лишили. Злоба въ него вселилась къ бельгійцамъ этимъ, и боюсь я за него... Тутъ еще и вино то это примѣшалось...

Закончивъ свою фразу какимъ то неопределеннымъ жестомъ, о. Иванъ долго ходилъ по террасѣ, о чемъ то думая.

— Такъ вотъ и бываетъ, — наконецъ, проговорилъ онъ:—сядетъ за лѣсомъ солнышко, а потомъ и заря потухнетъ, а за зарей тьма наступитъ. Такъ и въ душѣ человѣка потухнетъ свѣточъ и надвинется тьма...

Очень ужъ мрачно вы смотрите на жизнь, — прервалъ о. Ивана Всеволодъ.

— Хотѣлъ бы и я, очень хотѣлъ бы смотреть на нее веселѣе, да не могу... Тьмы и зла кругомъ насъ много... Озlobляютъ человека, вотъ онъ...

А, по моему, хорошо, когда озlobляютъ человека, — перебилъ снова о. Ивана Всеволодъ:—озlobишь его, онъ и встанетъ на защиту своихъ правъ. Что бы было, если бы здѣсь всѣ рабочіе были покорными рабами: заводчики поработили бы ихъ окончательно. Лука, вонъ, негодуетъ на бельгійцевъ, а, вѣдь, они первые начали здѣсь стачки, вѣдь это фран-

цузы привезли съ собой слово «стачка». До нихъ то что было—терпѣніе и глухая вражда, а теперь настоящая война однихъ противъ другихъ... И когда Лука пойметъ это, онъ не будетъ враждовать. Къ французамъ пойдетъ онъ съ протянутой рукой товарища и съ ними вмѣстѣ будетъ бороться.

О. Иванъ не возражалъ. Съ грустной думой на лицѣ всматривался онъ въ сумракъ ночи и молчалъ.

Ночью, при свѣтѣ звѣздъ, мы съ Всеволодомъ бродили по заводу и по заводскому селенію. Улицы селенія были безлюдны и тихи, кое-гдѣ только тявкали собаки, обезпокоенныя какими-то ночными звуками и шорохами. Кое-гдѣ въ окнахъ свѣтились тусклые огоньки, голосовъ людей не было слышно. А вдали на звѣздномъ фонѣ неба темнѣли корпуса завода съ освѣщенными окнами. Какой-то неясный гулъ доносился со стороны темныхъ заводскихъ громадъ, а то вдругъ что-то зашипитъ тамъ въ сторонѣ завода, послышатся глухіе удары молота и снова—ровный гулъ тревожитъ тишину звѣздной ночи.

Вдругъ неожиданно, безпокойно и тревожно ночную тишину огласилъ необычный, ночной, гулкій и протяжный вой сирены, густой, ночной вой, въ которомъ слышалась тревога и жалоба. Вой сирены оборвался, и въ лѣсной чащѣ отозвалось его гулкое эхо,—отозвалось

и перекинулось куда-то въ горы, будя и тамъ ночную звѣздную тишину. Секунду спустя вой сирены повторился и опять оборвался, тревогой наполняя тишину улицъ.

— Что это такое?—первымъ очнулся отъ молчанія Всеволодъ:—какая-то тревога. Идемъ скорѣе къ заводу.

Мы прибавили шагъ, завернули за низкіе плетни крестьянскихъ построекъ, перебрались по мостику черезъ горный громогласный потокъ и вышли въ поле. Издали свѣтили намъ заводскіе огни, а сирена продолжала быть. Въ окнахъ завода свѣтились огни, горѣли огни и въ домикахъ рабочихъ. Какіе-то голоса стали гуще, нервный говоръ донесся откуда-то со стороны... А вотъ кто-то крикнулъ, точно позвалъ кого-то, и изъ тьмы отозвался тревожный голосъ.

Еще разъ прогудѣла заводская сирена, и огни въ безчисленныхъ окнахъ заводскихъ корпусовъ разомъ потухли: кто-то вдругъ погасилъ электричество. А въ домикахъ рабочихъ свѣтились огни, и низкіе, у земли, окна казармъ свѣтились. Темными силуэтами выходили изъ домиковъ люди. Слышался французскій говоръ, а вотъ и російская рѣчь. Какой-то паренекъ, на ходу одѣвая пиджакъ, обогналъ насъ.

— Что это такое?—спросилъ я его.

— А... забастовка...

Паренекъ пріостановился, всматриваясь въ насъ съ Всеволодомъ.

— Французы ночную смѣну сорвали, — бросилъ онъ намъ и побѣжалъ куда-то въ темноту.

Насъ догоняли другіе, спѣшившіе къ заводу, люди. Выдвинулся изъ тьмы ночи высокій, неуклюжій силуэтъ человѣка, сгорбившагося и усталого.

— Дроздовъ!.. Товарищъ Дроздовъ... погодите... — крикнулъ Всеволодъ.

Длинный человѣкъ пріостановился, потомъ двинулся къ намъ.

Это былъ дѣйствительно Дроздовъ, наскоро выбѣжавшій изъ своего логовища. Онъ узналъ насъ, наскоро поздоровался, суя намъ свою большую руку.

— Черти проклятые, — заворчалъ онъ, — говорили, нейдите на ночную... все равно сорвемъ... Вотъ и сорвали!..

Дроздовъ на ходу объяснилъ намъ событія минувшаго вечера! Заводская администрація отказалась спѣшно выписать доктора, и рабочіе пригрозили забастовкой. Первыми начали забастовку фрунцузы, призывая и русскихъ рабочихъ присоединиться къ нимъ. Но случайно въ составѣ ночной смѣны больше было неосознательныхъ русскихъ рабочихъ, и послѣ шести вечера работа началась. Но не успокоились бельгійцы и друзья Дроздова. Часа

за два до полуночи явились они въ заводъ и сорвали смѣну.

Бранясь и волнуясь, Дроздовъ убѣждалъ куда-то отъ насъ, и мы прибавили шагу. А со стороны завода теперь уже явственно доносились голоса возбужденныхъ людей. Навстрѣчу намъ шли рабочіе въ одиночку, по двое, группами. Слышался говоръ и смѣхъ, и ни одного звука жалобы. Что-то бодрое слышалось въ говорѣ людей, покинувшихъ заводъ. Что-то смѣлое слышалось въ ихъ смѣхѣ. Густая толпа людей заставила насъ прижаться къ стѣнѣ домика съ освѣщенными окнами. А въ окна высунулись головы дѣтей, разбуженныхъ ночной тревогой. Какая-то женщина, перевѣсившись черезъ головенки мальчика и дѣвочки, крикнула по-французски:

— Жуль... Жульенъ... поди скорѣе, дѣти безъ тебя не спятъ!..

Мы стояли у домика, въ которомъ жилъ Жуль Арну. А вотъ и онъ, высокій, смуглый, съ подвижнымъ и энергичнымъ лицомъ. Подошелъ онъ къ своему домику, остановился у калитки и говоритъ о чемъ-то съ толпой товарищей. Вотъ онъ быстро сорвалъ съ головы шляпу, поклонился всѣмъ разомъ и повернулъ было къ калиткѣ. Всеволодъ остановилъ его. Какъ-то спѣшно поздоровался съ нами смуглый французъ, ничего не сказалъ, а только посмотрѣлъ въ сторону замолкшаго и потомъ

нѣвшаго завода, какъ бы говоря намъ: не спрашивайте, смотрите, потухли огни, смолкли звуки колесъ и шестерней, и заводъ заснулъ бодрымъ сномъ протеста и побѣды.

VIII.

Курчавый мальчуганъ Луки умеръ, и эта смерть отозвалась на насъ тяжелой грустью. Особенно мучительно было Аннѣ Николаевнѣ. Подавленная она вернулась отъ Луки и сидѣла грустная и молчаливая, а то тяжело дышала и робко говорила:

— Можетъ быть, Лука и имѣетъ право сердиться на меня... Но что же я могла сдѣлать со смертью?..

Жуткимъ казался этотъ вопросъ, и мы молчали.

— Какъ бы онъ что-нибудь не сдѣлалъ съ вами?—задалась вопросомъ Катерина Ивановна.

— Будь, что будетъ,—отвѣтила Анна Николаевна и опять смолкла.

Но смерть маленькаго Михѣйки какъ будто примирила Луку съ Анной Николаевной. Когда убѣдился онъ, что его сынъ уже не дышитъ, а лежитъ съ новыми чертами смерти на лицѣ, то посмотрѣлъ на фельдшерицу примиренно и глухимъ голосомъ сказалъ:

— Идите ужъ, барышня, чего тутъ сидѣть... Смотри не смотри, а смерть пришла...

По словамъ о. Ивана, который приглашенъ былъ къ умирающему мальчику, здоровый и угрюмый мужикъ плакалъ, какъ слабая женщина. Его жена причитала безъ слезъ и не рыдала, а какъ-то выла, а Лука плакалъ, и неудержимо лились изъ его глазъ слезы. А потомъ онъ спокойно пошелъ подъ навѣсъ сарая, взобрался подъ самую крышу, досталъ двѣ сухихъ сосновыхъ доски и принялся сбивать маленькій гробикъ.

Вечеромъ въ день похоронъ я случайно повстрѣчался съ Лукой. Шелъ онъ по улицѣ пьяненькій и угрюмо бормоталъ что-то. Поравнялся со мною и не узналъ меня, а отойдя шаговъ пять, что-то вскрикнулъ, шапкой ударилъ о-земь и выругался матерно. А поровнявшись съ церковной оградой, пріостановился, снялъ съ головы шапку, поднялъ лицо и посмотрѣлъ на золоченые купола церкви, горящіе въ лучахъ закатной зари. Не перекрестился и не помолился Лука, а пробормоталъ что-то, какъ будто говоря съ богомъ не на языкѣ молитвы, а словами земными, и пошелъ дальше къ казенкѣ.

Часа два спустя въ обществѣ такихъ-же, какъ и самъ, обиженныхъ и недовольныхъ, Лука шелъ мимо домика о. Ивана. Подвыпившіе люди не пѣли пѣсенъ, а шли и громко разсуждали во тьмѣ вечера. И звѣзды свѣтили имъ, и отзывалась на ихъ говоръ тишина улицъ и переулковъ.

Съ запада изъ-за лѣса вставали темныя облака, застилавшія звѣзды, а узенькій серпикъ молодой луны спускался къ грани горъ. Поднимался вѣтеръ, взбаламучивая листву на деревьяхъ поповскаго домика. Свѣтились огни въ темныхъ корпусахъ завода и маячили издали свѣтящимися точками. Что то гудѣло и шипѣло тамъ въ сторонѣ завода. Заводъ жилъ своей жизнью трудовой ночи и представлялись мнѣ рабы этого темнаго чудовища. Теперь, впрочемъ, они были побѣдители. Забастовка увѣнчалась успѣхомъ: пріѣхалъ въ заводъ земскій докторъ, а черезъ день или два на возахъ привезли и скарбъ новаго заводскаго доктора. Побѣдили рабочіе, и снова проснулся заводъ отъ своего сна, и снова зашипѣли паровики и котлы, завертѣлись колеса, застрекотали шестерни.

Въ эту темную облачную ночь мы пережили не мало тревогъ.

Часа въ два пополудни насъ всѣхъ, обитателей домика о. Ивана, разбудилъ ночной набатный колоколъ церкви. Всполошенные, наскоро одѣвшіеся, мы выбѣжали на улицу, и при свѣтѣ яркаго пламени пожарища побѣжали къ заводу. Какая то деревянная постройка за главнымъ заводскимъ зданіемъ была объята пламенемъ. Вдали слышался гулъ голосовъ и трескъ горящаго дерева. Голоса доносились и со стороны деревни, и видно было, какъ на кровляхъ ближайшихъ домовъ бѣлѣли рубахи

мужиковъ, взгромоздившихся на крыши въ тревогѣ. Заводскій гудокъ тянулъ дрожащую жуткую тревожную ноту, на секунду прерывался, и опять тревожно призывалъ людей изъ тьмы ночи. Набатный колоколъ церковки не умолкалъ и уносилъ свой тревожный гулъ далеко въ потемнѣвшія горы, дремавшія въ сумракѣ лѣсныхъ покрововъ.

Быстро подоспѣвшіе рабочіе прекратили пожаръ. Загорѣлись досчатая стѣны небольшого сарая, гдѣ хранились запасныя части какихъ то машинъ. Вспокоенный управляющій заводомъ, высокій человѣкъ съ густыми бровями и грубымъ голосомъ, самъ руководилъ тушеніемъ пожара и поминутно ругался, относя свою брань, повидимому, къ своимъ единоплеменикамъ, такъ какъ бранился все время по-французски.

Дня черезъ три въ заводъ пріѣхалъ и судебный слѣдователь, земскій и становой приставъ. Управляющій заводомъ, ссылаясь на недоразумѣнія съ рабочими послѣдняго времени, выразилъ подозрѣніе, что пожаръ незначительнаго сарайчика явился слѣдствіемъ поджога.

Послѣ допроса свидѣтелей происшествія слѣдователь, низенькій полный человѣкъ съ одутловатыми щеками, зашелъ къ о. Ивану, такъ какъ остановился въ гостепріимномъ домикѣ сельскаго священника.

— Юрій Александровичъ, да неужели поджогъ, какъ увѣряютъ заводскіе? — спросилъ о. Иванъ, усаживая гостя за обѣдъ.

— Несомнѣннѣйшій поджогъ! — авторитетно заявилъ слѣдователь, выпивая рюмку рябиновой: — Несомнѣннѣйшій поджогъ! — повторилъ онъ, оглядывая насъ: — у завода съ рабочими недоразумѣнія, забастовки эти, споры да раздоры... Чего же мудренаго...

— Да кто же, кто могъ поджечь? — удивлялся батюшка: — я думаю, это стеченіе обстоятельствъ.

Слѣдователь только плечами пожалъ.

Вечеромъ слѣдователь снова куда-то уходилъ, допрашивалъ мужиковъ и рабочихъ, выспрашивалъ и у представителей администраціи, кто могъ быть особенно недовольнымъ заводскими порядками послѣдняго времени. Юрій Александровичъ, по долгу службы, скрылъ отъ насъ добытые матеріалы, и за ужиномъ нервничалъ и бранился. Никого, впрочемъ, опредѣленно онъ не бранилъ, а только жаловался на тягости службы и выражалъ неудовольствіе на народную темноту.

Всеволодъ хмурилъ брови, что говорило за то, что его мутитъ какая-то мысль, готовая излиться. Не утерпѣвъ, онъ рѣзко сказалъ:

— А вотъ ваши товарищи бюрократы не мѣшали бы народному просвѣщенію, такъ и народъ былъ бы не темень...

— Эхъ, Всеволодъ Ивановичъ, — перебилъ его слѣдователь: — молодое чувство въ васъ говорить, да горячность-то эта самая... А надо по разуму судить... Я вотъ, напримѣръ, догадываюсь, кто поджегъ, потому что по логикѣ сужу... И найду виновнаго, и знаю, гдѣ его искать...

— У себя, въ своихъ министерствахъ-то, и поискали бы виновныхъ, — не унимался Всеволодъ.

— Ну, вы ужъ очень... того... увлекаетесь, Всеволодъ Ивановичъ, — поддержалъ гостя и о. Иванъ. — Просвѣщеніе, дѣйствительно, стѣснено, но не одни министры въ этомъ повинны. Повиненъ и самый народъ... Впрочемъ... что я говорю... Никто неповиненъ... Не судите, да не судимы будете...

И батюшка даже заволновался, какъ же это такъ: онъ рѣшился высказать осужденіе. Для о. Ивана это была большая пытка его духа: никого и никогда онъ не судилъ, а жилъ по-евангельски, а тутъ, въ угоду гостю, едва не измѣнилъ себѣ.

— Съ вами я тоже не согласенъ, о. Иванъ, — возразилъ слѣдователь; — не судить преступныхъ людей нельзя, а то и намъ съ вами не сдобровать...

Съ блѣднымъ лицомъ о. Иванъ сидѣлъ молча, точно провинившійся въ чемъ то школьникъ, а слѣдователь продолжалъ свою пропо-

вѣдь о необходимости каръ и всяческихъ воздѣйствій на людей преступныхъ.

— Да, я бы ужъ заодно и подстрекателей то захватилъ... Вотъ они, эти подстрекатели то, частенько и ввергаютъ темный народъ въ преступленіе...

— На кого вы намекаете, угадать не легко,—началъ снова Всеволодъ:—но не трудно догадаться, откуда идетъ эта теорія объясненія жизненныхъ драмъ... Вѣдь, у васъ въ министерствѣ, да и въ сосѣднихъ съ вами министерствахъ такъ же объясняютъ всѣ явленія жизни: молъ, подстрекатели да нигилисты съ крамольниками народъ подбиваютъ... О нигилистахъ, впрочемъ, теперь уже не говорятъ, а все больше на крамольниковъ валяютъ... А не видите вы, господа чиновники, что народъ самъ просыпается, а мѣстами уже и проснулся. Самъ народъ въ себѣ крамолу воспиталъ, а вы помогали этому своими воздѣйствіями, и спасибо вамъ!..

Нижняя губа слѣдователя тряслась, но онъ ничего уже не говорилъ. Зналъ онъ давно, какъ рѣзокъ бываетъ Всеволодъ, когда вспылить и, изъ уваженія къ отцу Ивану, не хотѣлъ раздувать спора...

— Ну, знаете, это бесплодный споръ, махнулъ онъ рукой и добавилъ:—о. Иванъ, усталъ я... позвольте мнѣ въ постельку, да и бай-бай...

— Ахъ, пожалуйста, Юрій Александровичъ...

И о. Иванъ увелъ слѣдователя въ отведенную для него комнату. Съ молодежью слѣдователь попрощался сухо.

IX.

Вскорѣ мы всѣ разбрелись по комнатамъ, но не успѣли заснуть, какъ снова въ тишинѣ ночи загудѣлъ набатный колоколъ и затянулъ свою тревожную ноту заводскій гудокъ.

На этотъ разъ горѣлъ большой двухъ-этажный домъ, занятый заводскими мастерами и рабочими бельгійцами. Широкимъ столбомъ яркое пламя охватывало всю постройку, унося въ небо потоки быстро движущихся, разносимыхъ вѣтромъ, искръ. Съ крыльца домика о. Ивана показалось, что горитъ нѣсколько домовъ, пламя подбирается и къ березовому и ольховому колку, отдѣлявшему усадьбу о. Ивана и церковь отъ заводскихъ построекъ. Искры относило вѣтромъ къ деревнѣ и на заводскіе корпуса.

Въ свѣтломъ подрясникѣ, съ косичкой сѣдыхъ волосъ, волнующійся и кричавшій о. Иванъ не похожъ былъ на себя. Поминутно бранилъ кухарку и работника и торопилъ ихъ то съ водою, хотя огонь и не грозилъ его усадьбѣ, то гонялъ ихъ въ домикъ, приказывая складывать скарбъ въ сундуки и связы-

вать узлы. Крики доносились и со стороны деревни, а со стороны завода доносился какой-то гулъ, трескъ и шипѣнье горящаго дерева.

Мастера и рабочіе выбѣжали изъ горящаго зданія въ одномъ бѣльѣ. Простоволосыя женщины причитали и плакали, хватая своихъ дѣтей съ постелей. А изъ темныхъ дверей тащили люди разный скарбъ, бросали на полъ посуду, сундуки, стулья и столы и валили на земь. А разроставшееся пламя захватывало второй этажъ, изъ оконъ котораго летѣли разныя вещи, падали тутъ же у горящаго зданія и загорались. Крикъ и суетня спаяли всѣхъ людей—женщинъ, мужчинъ, дѣтей,—въ какую то общую массу испуга и паники. И только живущіе въ деревнѣ мужики да рабочіе, обитающіе въ сосѣднихъ баракахъ, еще владѣли собою, помогая тушить зданіе.

Тутъ же на пожарищѣ суетился и становой приставъ. Толстенъкій, маленькій, съ длинной шашкой, онъ бѣгалъ по толпѣ и охрипшимъ голосомъ отдавалъ приказанія, но не всѣ понимали его рѣчь, а другіе, быть можетъ, и не слушали, о чемъ тамъ безпомощно взываетъ вспотѣвшій становой.

Онъ подбѣжалъ и къ намъ. Суетился, бормоталъ:

— Я ничего не могу сдѣлать... Они не понимаютъ меня, нехристи проклятые... И я ихъ не понимаю... Будьте добры, скажите

имъ кто нибудь по-французски... Молъ, баграми... баграми надо растаскивать стѣны, а то вонъ какой столбъ искръ, деревня загорится, заводъ весь вспыхнетъ... Черти проклятые, ничего не понимаютъ!..

Горячась и ругаясь, онъ бѣжалъ къ другой группѣ людей, махалъ руками и опять кричалъ.

Видѣлъ я на пожарищѣ и суетившагося управляющаго заводомъ, и инженеровъ въ бѣлыхъ кителяхъ, и техниковъ. Грубыми выкриками побуждали они рабочихъ качать машину, дѣйствовать баграми, таскать воду. Когда крыша и стѣны обгорѣвшаго зданія рухнули, становой успокоился за цѣлость сосѣднихъ построекъ, а мы всѣ, усталые, въ промокшей одеждѣ и съ пересохшими губами, спѣшили возвратиться домой.

О. Иванъ сидѣлъ на террасѣ, опустивъ на грудь голову и подперевъ рукою високъ. Свѣтъ лампы изъ-подъ зеленого абажура заливалъ его волосатую голову, оставляя въ тѣни задумчивое лицо.

— Ну что? какъ? что тамъ?—засуетился онъ, вскочилъ со стула и забѣгалъ по террасѣ.—А я тутъ за церковь свою боялся, да и усадьбѣ то грозила бѣда.

Мы старались успокоить священника и увѣряли его, что опасенія за церковь и усадьбу были совершенно неосновательны.

— А, вѣдь, это поджогъ, — твердилъ слѣдователь, опускаясь на стулъ и отдуваясь отъ усталости.

— Весьма возможно... весьма возможно... — бормоталъ о. Иванъ. За послѣдніе годы много разныхъ сараевъ, усадебъ и домовъ погорѣло у насъ въ лѣсу. Черной местию мститъ народъ своимъ обидчикамъ. Мнѣ представляется, что мы сидимъ въ глуши вѣкового лѣса и вмѣстѣ съ предкомъ славяниномъ обдумываемъ черную месть на недруга своего. Вѣдь, это ужасная такая месть. Вѣдь, это особый видъ борьбы человѣка съ человѣкомъ, это — наслѣдіе давно минувшихъ временъ. А если говорить серьезно, такъ къ какому же виду борьбы темнымъ людямъ и прибѣгнуть? если кругомъ нихъ начальство, попирающее всякое право? Съ горячими мольбами и запросами приходитъ темный человѣкъ къ начальству, а начальство отвѣчаетъ ему на непонятномъ языкѣ. Темный человѣкъ приходитъ ко мнѣ въ церковь, и я притворяюсь, будто исцѣляю его душевные недуги. А развѣ это правда? Развѣ я исцѣляю? Что же тутъ дѣлать? Остается одно: выбрать ночь, которая потемнѣе, да и пойти въ эту ночь искать правды въ черной мести. Есть какіе то грѣхи, опутывающіе человѣка, но есть также и какая то борьба роковая во имя этихъ грѣховъ.

Онъ замолкъ на секунду, не глядя на насъ, ходилъ по террасѣ и волновался.

— Въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ о. Иванъ:—развѣ мужики виноваты въ томъ, что этотъ самый заводъ принесъ имъ и новую жизнь и новыя страданія? Я тридцать лѣтъ живу здѣсь, и предо мной прошла цѣлая жизнь почти трехъ поколѣній. Мальченки, которыхъ я крестилъ, теперь настоящіе работники. Не я ли свидѣтель всего этого и не я ли безсиленъ помочь имъ, всѣмъ недовольнымъ и страждущимъ...

— Папа,—вдругъ прервала рѣчь священника Катерина Ивановна:—тѣ люди, о которыхъ ты говоришь, сами изобрѣли средства борьбы. Мы видѣли недавнюю стачку, и она побѣдила... Черная месть, о которой ты говорилъ, дѣйствительно, наслѣдіе нашихъ предковъ славянъ, но не она одна къ услугамъ забитыхъ и эксплуатируемыхъ...

Но, о. Иванъ казалось, не слышалъ словъ дочери. Обращаясь къ слѣдователю, онъ продолжалъ:

— И сколько бы вы, Юрій Александровичъ, ни содѣйствовали ихъ обвиненію, я все же скажу... такъ, логически продумавъ всю суть жизни, скажу... Ну... какъ вы ихъ обвините?.. А?.. Какъ обвинить человѣка, кѣмъ-то другимъ обвиненнаго?.. Ужъ простите мнѣ, старику, неуклюжесть рѣчи моей. Былъ бы я юристомъ, такъ не такъ бы я говорилъ.

— Совершенно-съ вѣрно,—наконецъ, нарушилъ свое олимпійское спокойствіе слѣдова-

тель:—если бы вы были юристомъ, вы не говорили бы такъ, а собрали бы объективныя данныя, да на основанія ихъ и составили протоколъ...

— И только?.. протоколъ?..—воскликнула Катерина Ивановна.

Но слѣдователь не счелъ нужнымъ отвѣтить что-нибудь взволнованной дѣвушкѣ.

Мы всѣ помолчали. Какія-то бѣлокрылыя бабочки кружились около ламповаго стекла, обжигались, падали и вновь, поднявшись на опаленныхъ крыльяхъ, вились около горячаго ламповаго стекла. Слышались мягкіе шаги о. Ивана. Все еще не успокоившійся, ходилъ онъ по террасѣ и думалъ о чемъ-то. А изъ-за березоваго колка все еще доносились голоса людей на пожарищѣ. Изъ-за стѣны березъ поднимались вспыхивающіе отблески пламени, а то вдругъ поднимался цѣлый каскадъ искръ, взвивался къ небу, и вѣтеръ уносилъ эти искры вмѣстѣ съ дымомъ куда-то въ тьму ночи. И опять я смотрю, какъ выются и летаютъ около ламповаго стекла бѣлокрылыя бабочки. Летаютъ, кружатся, обжигаютъ крылья и падаютъ, а потомъ опять взлетаютъ и снова летятъ на огонь... Не похожи ли и мы, люди, на этихъ бабочекъ? Пусть и наши крылья опаляетъ пламя жизни, а мы все же будемъ летѣть и стремиться къ тому, что для насъ красиво, осмысленно и что для насъ необходимо...

О. Иванъ всталъ, прошелся по террасѣ, потомъ остановился у перилъ и долго всматривался въ сумракъ ночи.

Слѣдователь медленными глотками отпивалъ изъ стакана чай, не глядя на насъ съ Катериной Ивановной. Какая-то своя дума лежала на его лицѣ, въ глазахъ вспыхивали огоньки, губы подергивались. Какъ будто онъ хотѣлъ сказать что-то намъ всѣмъ и—или не рѣшался, или не хотѣлъ.

Выпрямивъ спину, приподнявъ голову, посмотрѣлъ въ сторону священника.

О. Иванъ какъ-то не по-старчески энергично повернулся и подошелъ къ столу, къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ слѣдователь. Опершись руками въ столъ, онъ немного склонился, свѣшивая на плечи сѣдые волосы, и сказалъ, глядя на свѣтъ лампы:

— Если кто изъ нихъ на духу скажетъ мнѣ о своемъ грѣхѣ, я отпущу этотъ грѣхъ и буду правъ передъ Господомъ Богомъ.

Какъ будто не намъ съ Катериной Ивановной говорилъ онъ и не слѣдователю, а такъ, только вслухъ высказалъ свои мысли.

Вдохновеннымъ глубокимъ голосомъ была сказана эта фраза, голосомъ мученика за чужіе грѣхи. Казалось, что въ эту минуту о. Иванъ на себя перенесъ тяжесть чужихъ грѣховъ и отпустилъ эти грѣхи, ни на секунду не сомнѣваясь въ правотѣ своего поступка.

Мы долго молчали, боясь нарушить торжественную тишину отпущенія грѣховъ. Только слѣдователь какъ-то странно крикнулъ, словно съ желаніемъ прокашляться. Потомъ онъ поднялъ глаза на о. Ивана и сказалъ:

— У васъ своя правда церкви, о. Иванъ, а у меня своя правда суда...

— А развѣ это двѣ разныя правды?— спросилъ священникъ, опускаясь на стулъ и добавилъ:— Катенька, налей-ка мнѣ еще стаканчикъ чайку...

Катерина Ивановна двинулась къ столу, и, вся настороженная и серьезная, искоса поглядѣла на слѣдователя.

Юрій Александровичъ не сразу отвѣтилъ священнику:

— Двѣ разныя правды, о. Иванъ... Правда суда—общественная правда, во имя общихъ интересовъ всего населенія, а правда церкви, это—правда каждого вѣрующаго, правда индивидуальная, такъ сказать, личная.

О. Иванъ развелъ руками и сказалъ:

— Есть одна правда суда,—правда суда Божьяго, а судъ человѣческій творить волю людей. Если въ этомъ разница, тогда я согласенъ съ вами. Я имѣлъ въ виду другое: церковь и судъ одинаковыя государственныя установленія, стало быть и правда у нихъ должна быть одна.

Катерина Ивановна двинула стуломъ и, перебивая отца, увѣренно сказала:

— Законы суда писаны господствующими классами населенія. Эти люди создали законы такіе, какіе выгодны имъ, а не всѣмъ людямъ, стало быть, въ этихъ законахъ— правда этихъ людей.

— Ну, Катерина Ивановна,—разсмѣялся слѣдователь, — это сужденіе слишкомъ уже прямолинейно. Такъ нельзя!

— Посмотрите на законы, которыми определяются отношенія, ну, хотя бы тѣхъ же рабочихъ къ ихъ хозяевамъ,—продолжала дочь священника,— вѣдь, они такъ и написаны, чтобы защитить интересы эксплуататоровъ и подчинить, поработить трудящихся. Идеальная справедливость и не принимала участія въ составленіи этихъ законовъ.

— Съ этимъ я тоже согласенъ,—неожиданно замѣтилъ, о. Иванъ. Именно такъ. Именно-съ!.. Не слѣдствіе ли этого и то, что случилось на вашихъ глазахъ. Подожгли люди заводскія постройки, это значитъ, что они пошли противъ законовъ, о которыхъ говоритъ Катенька. Нельзя было жить этимъ людямъ съ такими законами, вотъ они и ополчились противъ нихъ. Грубо, подъ вліяніемъ темной силы души ополчились, но ополчились. И ничего съ этимъ не подѣлаешь. Ихъ винить нельзя, вотъ почему я и говорю: я отпускаю ихъ грѣхи...

Гдѣ-то далеко въ темнотѣ ночи раздался

гулкій ружейный выстрѣлъ и эхо лѣса повторило ночной тревожный звукъ.

Катерина Ивановна вздрогнула и поднялась. Слѣдователь забеспокоился, всталъ и сказалъ:

— Выстрѣлъ?.. ружейный?..

— Надо посмотрѣть, узнать, что это? — быстро выкрикнула Катерина Ивановна и сбѣжала съ террасы въ садъ.

— Катенька, куда ты? — забеспокоился о. Иванъ.

— Катерина Ивановна, подождите, пойдемъ вмѣстѣ! — старался остановить ее слѣдователь.

Одѣвая широкополую шляпу, о. Иванъ торопился за дочерью, бормоталъ:

— Вотъ и всегда такъ, засуетится, а можетъ быть, тамъ и не дѣвичьяго ума дѣло.

Мы всѣ вышли на улицу, направляясь въ сторону завода.

Катерина Ивановна ушла впередъ и въ сумракѣ ночи едва виднѣлся ея темный силуэтъ.

Мы торопливо дошли до конца улицы, прислушиваясь къ ночнымъ тревожнымъ голосамъ. Кто-то громко говорилъ тамъ, порой вскрикивая или призывая кого-то. Послышались шаги, а по пыльной улицѣ двигалась навстрѣчу намъ темная фигура.

— Всеволодъ, это ты? Что тамъ? — услышали мы голосъ Катерины Ивановны.

Что-то говорили тамъ братъ и сестра.

— Папа! Папа!.. скорѣе! — выкрикнула Катерина Ивановна.

— Что тамъ еще?—спросилъ батюшка и быстро зашагалъ въ темноту ночи.

Мы догнали Всеволода и Катерину Ивановну.

— Папа,—обратился къ нему Всеволодъ,—иди къ Лукѣ. Онъ проситъ тебя... Онъ раненъ, должно быть, смертельно.

— Кто раненъ? гдѣ?

— Кузнецъ Лука. Онъ выстрѣлилъ изъ ружья въ этого Якова Моисеича, управляющаго, а мастеръ Дучковъ застрѣлилъ Луку.

— Боже! Боже!—воскликнулъ о. Иванъ.—Всеволодъ, пойдѣ же принеси мнѣ скорѣе евангеліе и крестъ... Я туда побѣгу. Гдѣ онъ?

— Мы снесли его въ домъ къ нему, къ Лукѣ,—спѣша къ домику священника, проговорилъ Всеволодъ и потонулъ во тьмѣ ночи.

Только въ одномъ окнѣ избенки кузнеца свѣтился огонекъ. Кто-то былъ тамъ надрывнымъ женскимъ голосомъ. Голосили ребята, а во дворѣ и у воротъ мелькали темныя фигуры. Люди громко говорили о происшедшемъ и видно было, какъ во тьмѣ размахивали темными руками. Словно темныя птицы размахивали крыльями, въ безпокойствѣ и смятеніи.

— Въ чемъ тутъ дѣло-то? — спросила Катерина Ивановна мужиковъ, столпившихся у воротъ.

— Кровопійцы проклятые!.. Забили Луку! Совсѣмъ забили!.. Вотъ, господинъ начальникъ...

Щупленькій, маленькій человѣкъ приблизился къ слѣдователю, говоря:

— Вотъ, господинъ начальникъ, управу-то на нихъ бы...

— Знамо, управу!.. Чаво тутъ говорить! Человѣка изранили пулей.

Екатерина Ивановна и о. Иванъ вошли въ избенку Луки, а меня и слѣдователя обступили мужики, подростки и бабы. Говорили разомъ, махали руками. Трудно было понять, какъ все это случилось и только выслушавъ рассказъ щупленькаго человѣка, оказавшагося толковымъ малымъ, мы поняли все.

Подкрался кузнецъ къ террасѣ, что у дома, гдѣ жилъ главный заводскій управляющій,— подкрался и изъ тьмы выстрѣлилъ въ Якова Моисеича изъ ружья. Трудно было узнать, убитъ или раненъ пострадавшій, но ясно было, что кузнецъ раненъ пулею тяжело въ животъ.

— Онъ, Лука-то, въ Моисеича изъ ружья, а Дучковъ въ Луку, вотъ и угодилъ въ животъ,— говорилъ щупленькій человѣкъ.

И такъ странно спокойно звучалъ голосъ рассказчика, какъ будто то, о чемъ онъ рассказывалъ, было такое обыкновенное, повседневное.

А Юрій Александровичъ, повинувшись своимъ инстинктамъ слѣдователя, уже окружилъ себя

толпой мужиковъ и бабъ и спрашивалъ о подробностяхъ событія.

Я подошелъ къ избѣ кузнеца и старался черезъ головы женщинъ заглянуть, что тамъ дѣлается за этими тусклыми и пыльными стеклами. Но разсмотрѣть мнѣ ничего не удалось. Горѣла на столѣ жестяная лампочка, а углы избы тонули въ полумракѣ.

Вернулся Всеволодъ со сверткомъ въ рукѣ и вошелъ въ избенку. Скоро онъ опять появился на улицѣ и отыскалъ меня.

Онъ усиленно дышалъ послѣ быстрой ходьбы и въ глазахъ его было выраженіе усталости и какого-то странно-тупого чувства. Словно на него навалилась какая-то тяжесть и ему было трудно подъ этой тяжестью.

— Ты понимаешь, — говорилъ онъ. — Можетъ быть, я немного виноватъ въ томъ, что случилось.

— Какъ это такъ?

Мы отошли на середину улицы и остановились.

— Я встрѣтилъ Луку. Немного подъ хмелькомъ онъ былъ. Идетъ съ ружьемъ. Что, говорю, ты тутъ разгуливаешь? — «Да на охоту, говорить, отправился». — Какая же теперь охота? Здѣсь не болото, не лѣсъ. — «А, можетъ, хуже лѣса-то», говоритъ. Попросилъ у меня папиросу, а руки у него трясутся. Постояли, покурили. Вижу, что что-то неладное съ мужикомъ, а какъ заглянешь въ душу? Пойдемъ,

говоря, намъ попутно, провожу я тебя до лѣсу.—«Нѣтъ, ужъ, говорите,—идите своей дорогой, а я тутъ товарища погляжу». Ушелъ я, а онъ... И десяти шаговъ не отошелъ я отъ усадьбы этого Якова Моисеича, какъ слышу ружейный выстрѣлъ. А потомъ—бацъ изъ револьвера. Упалъ Лука на землю, бокъ рукой держитъ, а самъ громко матерно ругается. Выбѣгаетъ изъ усадьбы Дучковъ, наклоняется, блѣдный весь. А тамъ народъ сталъ сбѣгаться. Разомъ всѣ узнали, что случилось. Лука самъ указалъ на мастера и мужики на него бросились. Удралъ онъ безъ шапки по улицѣ, за нимъ погоня, но, вѣрно, не догнали. А если бы догнали, мнѣ кажется, и его убили бы...

Изъ избы кузнеца вышли о. Иванъ и Катерина Ивановна. Шли они тихо, повѣсивъ головы и не говорили другъ съ другомъ. Толпа разступилась передъ ними.

— Ну, что, батюшка?—спросилъ кто-то изъ толпы мужиковъ.

Обнажилъ о. Иванъ голову, перекрестился и сказалъ:

— Богу душу отдалъ...

Въ толпѣ закрестились, запричитали, завдыхали.

— Скончался, — повторилъ о. Иванъ:— отпустилъ я грѣхи его... Отпустилъ, православные... Идите къ себѣ. Все во власти Господа!

И онъ пошелъ въ тьму ночи, молчаливый и спокойный.

И шли мы за нимъ и молчали, подавленные всей этой волнующей ночной сценой.

Х.

“... Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой.
Съ интернаціоналомъ
Возстанетъ родъ людской . . .”

Прошло только два года послѣ моей послѣдней поѣздки въ К—скій заводъ и все въ жизни глухого уголка измѣнилось.

Помню я: изъ завода увезъ печальное впечатлѣніе въ связи со смертью кузнеца Луки. Долго носился предо мною его печально-трагическій образъ. Жилъ человѣкъ загнаннымъ лѣснымъ звѣремъ, мучился, страдалъ и накапливалъ въ душѣ своей темную мстительность. И не было человѣка, кто бы сумѣлъ разгадать его душу. Жилъ одиноко на людяхъ, одинокимъ вышелъ и въ бой за себя и за свою долю печальную.

Яркое осталось у меня и воспоминаніе о томъ днѣ, когда мы хоронили Луку. Былъ будній день, а заводъ не работалъ. Рабочіе захотѣли всѣ дружной семьей проводить тѣло Луки до могилы. Общими усиліями дѣлали ему гробъ, общими усиліями рыли могилу. Сдѣлали

сборъ для семьи кузнеца. И казалось мнѣ, что всѣ эти люди, видѣвшіе всю несложную и полную мукъ жизнь Луки, относились къ нему, какъ къ жертвѣ искупительной. Такъ именно «жертвой искупительной» называлъ Луку и о. Иванъ въ краткомъ надмогильномъ словѣ. Приставъ съ урядникомъ и стражниками не позволили батюшкѣ сказать до конца своего надмогильнаго слова, но эти слова—«искупительная жертва»—онъ успѣлъ сказать, и въ этихъ словахъ выразилъ думы всѣхъ.

Лука въ одиночествѣ возсталъ противъ общихъ враговъ для всего населенія завода и всѣ оцѣнили его выступленіе такъ, какъ и слѣдовало было оцѣнить.

Онъ выступилъ за всѣхъ, всѣ были за него, когда хоронили. Чрезъ смерть Луки объединились всѣ, признавъ муки его своими муками, и его порывъ—своимъ порывомъ.

За эти два года такъ много новаго и интереснаго пережили всѣ мы.

Это были годы большой всеобщей работы. Волновалась вся Россія тревогами за жизнь сыновъ своихъ. Тянулася длинная и мучительная война съ японцами, начатая кучкой авантюристовъ. На войну шли люди со страннымъ недоумѣніемъ, но шли. Съ войны писали тревожныя письма съ проклятіями. Съ войны же

доходили и газетныя вѣсти, поселяющія тревогу во всѣхъ, въ комъ была живая душа.

Пораженіе за пораженіемъ на поляхъ далекой и никому не близкой Манчжуріи. Пораженіе за пораженіемъ въ водахъ далекаго и чуждаго океана. Умирали русскіе солдаты и матросы тамъ гдѣ-то, и никто не зналъ ради чего умираютъ? Ради чего попали въ лапы безталанныхъ военнопольныхъ?

И встала вся возмущенная Русь, и сказала:

— Довольно напрасныхъ жертвъ! Довольно жизней нашихъ братьевъ въ жертву молоха—правительству!

Заволновались и заговорили о своей жизни и трудящіеся люди. Они больше другихъ принесли жертвъ ненасытному богу войны. Довольно!..

Заволновались трудящіеся люди въ крупныхъ городахъ и заводскихъ центрахъ, и въ глухихъ заводахъ, гдѣ еще такъ недавно выступали одиночки, подобные Лукѣ, заволновались люди отъ машинъ.

Еще въ тотъ годъ, когда былъ живъ кузнецъ Лука, эти люди уже были въ заводѣ. Работали хорошо за станками и машинами и съ пользой для другихъ проводили часы своего отдыха. Тогда они такими незамѣтными были, не выдвигали себя, а работали въ тиши. И только потомъ вошли сѣмена ихъ посѣва.

— Какъ хорошо, что вы пріѣхали!—радостнымъ восхищеніемъ встрѣтила меня Катерина Ивановна, которая все это время не бросала своей работы на заводѣ, главнымъ образомъ, среди своихъ взрослыхъ учениковъ.

— У насъ теперь такъ интересно жить—продолжала она. — Вы совсѣмъ не узнаете рабочихъ... Впрочемъ, на словахъ всего не передашь—сами увидите. У насъ тутъ есть такой интересный французъ-рабочій, Жюль Арну, бельгіецъ онъ... Да, вѣдь, вы его знаете.

— А я теперь, Василій Васильевичъ, ужъ не у дѣла,—пожимая руку, говорилъ мнѣ о. Иванъ.—Начальству не понравился и оно меня въ за-штатъ. Хотѣли въ монастырь упрятать за вольнодумство, да, спасибо, нашъ преосвященный заступился. А все за то, помните, зачѣмъ я кузнеца Луку отпѣвалъ. «Да какъ же, говорю, ваше преосвященство, мнѣ не отпѣвать-то его? Онъ у меня исповѣдался и причастился». Ну, понялъ владыка: отъ монастырскаго заточенія избавилъ меня, а ужъ въ за-штатъ опредѣлилъ, потому—ничего не смогъ подѣлать съ синодскими слѣдователями. Крамольника, видите ли, я, по ихъ разумѣнію, хоронилъ и слово заупокойное произносилъ... Такъ то вотъ... дѣла, дѣла... А теперь у насъ совсѣмъ особая, новая жизнь...

Вечеромъ того-же дня я повстрѣчался съ новыми людьми завода и понялъ изъ разго-

вора съ ними, что, дѣйствительно, Чювая началась на Б—скомъ заводѣ жизнь.

Ихъ было не много, этихъ новыхъ людей, но много новаго огня, убѣжденій принесли они съ собою въ глушь Урала и выжгли здѣсь все старое, засѣявъ расчищенные нивы трудящагося народа новыми сѣменами.

Артемій Снѣгиревъ и Иванъ Дубчевскій... Вотъ эти люди, обновившіе жизнь цѣлаго завода.

Образовавъ около себя небольшой кружокъ рабочихъ, Снѣгиревъ и Дубчевскій сошлись съ нѣкоторыми рабочими-бельгійцами и особенно крѣпко сдружились съ французомъ-литейщикомъ Жюлемъ Арну.

Это былъ молодой, живой и энергичный человѣкъ, главарь группы своихъ товарищей бельгійцевъ. Переселившись въ Россію, они не прерывали своей связи съ товарищами на родинѣ, и въ глуши русскихъ лѣсовъ, первымъ вышелъ навстрѣчу интересамъ русскихъ рабочихъ, памятуя завѣты великаго Интернаціонала.

Не сразу Снѣгиревъ и Дубчевскій сошлись съ Жюлемъ Арну, но сближеніе это укрѣплялось день-ото-дня и незамѣтно вылилось наконецъ въ солидарность во имя общихъ интересовъ.

Живой, немного вспыльчивый Снѣгиревъ говорилъ:

Страницы
утрачены

Мнѣ представлялась его сумрачная фигура, съ растрепанными волосами и съ краснымъ отъ перепоя лицомъ.

— Я пью съ горя моего,—говорилъ онъ и бродилъ по заводу, какъ тѣнь, безъ толку и безъ цѣли.

Умеръ онъ и его забыли. А мнѣ почему-то хочется вспоминать о немъ съ тихой печалью по напрасно загубленной жизни.

Можетъ быть, его скорбная тѣнь бродить и теперь въ сумракѣ ночи и шепчетъ свои странные слова:

— Я пью съ горя моего...

Можетъ быть, эта странная ночная тѣнь сторонится отъ новой жизни, не понимаетъ ея.

Въ тишинѣ вечера слышался знакомый напѣвъ:

Вставай, проклятемъ заклеянный,
Весь міръ голодныхъ и рабовъ...

Вѣтромъ унесло во тьму знакомыя слова.

А черезъ минуту снова слышится, гдѣ-то ближе и явственнѣй:

... Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой,
Съ Интернаціоналомъ
Возстанетъ родъ людской...

Носятся бодрыя звучныя слова пѣсни въ сумракѣ ночи, какъ свободныя незримыя птицы.

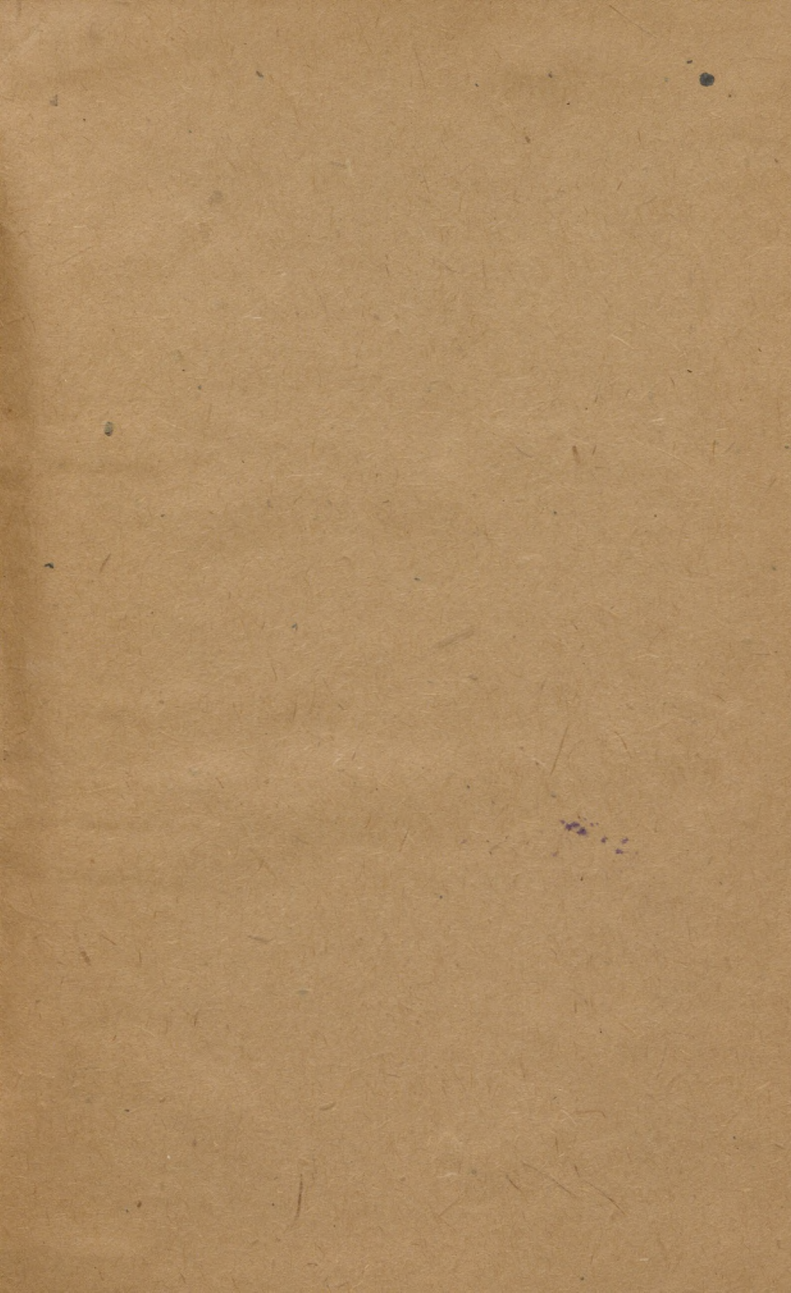
Иду я одиноко по полевой дорогѣ, стучу палкой въ промерзшую землю и мнѣ кажется, что идемъ мы съ кѣмъ-то вдвоемъ... Идемъ и поемъ. И вторить нашей пѣснѣ вся земля.

И кажется мнѣ, что идутъ вмѣстѣ со мною придорожные ивы и березы. И темный лѣсъ, дремлющій въ сторонѣ отъ дороги, проснулся и тоже идетъ вмѣстѣ со мною въ ту сторону, откуда доносится бодрый и смѣлый мотивъ великаго гимна труда.

Я прислушивался къ мотиву знакомой пѣсни рабочихъ всего міра. И мнѣ казалось, что я не одинъ. Что не одни и они, борцы за вольность и трудъ...

Ихъ много и всѣ они готовятся въ послѣдній и рѣшительный бой...

✓
112562.

Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

ультурно-просвѣтительный книжный складъ

„НАЧАТКИ ЗНАНІЙ“

ПЕТРОГРАДЪ,
Звскій пр., 110.
Тел. 131-76.

Отд. въ Москвѣ
Красная вор., д. Афремова
кв. 144.